

Ю. КОВАЛЬ

Альбом

лучшие рассказы
о живой
природе

с вопросами и ответами
для почемучек

Даша

научно-исследовательский
зоологический музей
МГУ имени М. В. Ломоносова
РЕКОМЕНДУЕТ

Лучшие рассказы о живой природе с
вопросами и ответами для почемучек

Юрий Коваль

**Алый. С вопросами и
ответами для почемучек**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коваль Ю. И.

Алый. С вопросами и ответами для почемучек / Ю. И. Коваль — «Издательство АСТ», 2018 — (Лучшие рассказы о живой природе с вопросами и ответами для почемучек)

ISBN 978-5-17-109798-1

В книгу замечательного писателя Юрия Ковала вошли хрестоматийные рассказы для младших школьников «Алый» (по нему снят фильм «Пограничный пёс Алый»), «Капитан Клюквин», «Муравьиный царь» и многие другие. Наше издание подарит детям и взрослым уникальную возможность – прочитать их с комментариями биолога, найти ответы на самые частые вопросы и по-новому взглянуть на окружающий нас мир природы! Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109798-1

© Коваль Ю. И., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Капитан Клюквин	7
Серая ночь	17
Стожок	24
Весенний вечер	26
Фиолетовая птица	29
Стеклянный пруд	32
Букет	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юрий Коваль
Алый. С вопросами и
ответами для почемучек

© Коваль Ю.И., насл., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Капитан Клюквин

На Птичьем рынке за три рубля купил я себе клеста.

Это был **клёст-сосновик**, с перьями кирпичного и клюквенного цвета, с клювом, скреплённым, как два кривых костяных ножа.

Лапы у него были белые, – значит, сидел он в клетке давно. Таких птиц называют «сиделый».

– Сиделый, сиделый, – уверял меня продавец. – С весны сидит.

А сейчас была уже холодная осень. Над Птичьим рынком стелился морозный пар и пахло керосином. Это продавцы тропических рыбок обогревали аквариумы и банки керосиновыми лампами.

Дома я поставил клетку на окно, чтоб клёст мог поглядеть на улицу, на мокрые крыши сокольнических домов и серые стены мельничного комбината имени Цюрупы.

Клёст сидел на своей жёрдочке торжественно и гордо, как командир на коне.

Я бросил в клетку семечко подсолнуха.

Командир соскочил с жёрдочки, взмахнул клювом – семечко разлетелось на две половинки. А командир снова взлетел на своего деревянного коня, пришпорил и замер, глядя вдаль.

Какой удивительный у него клюв – **крестообразный**. Верхняя часть клюва загнута вниз, а нижняя – вверх. Получается что-то вроде буквы «Х». Этой буквой «Х» клёст лихо хватает подсолнух – трах! – шелуха в стороны.

Надо было придумать клесту имя. Мне хотелось, чтоб в имени был отмечен и его командирский нрав, и крепкий клюв, и **красный цвет оперения**.

Нашлось только одно слово, в котором есть и клюв и красный цвет, – клюква.

Подходящее слово. Жаль только, нет в клюкве ничего командирского. Я долго прикидывал так и эдак и назвал клеста – Капитан Клюквин.

Всю ночь за окном слышен был дождь и ветер.

Капитан Клюквин спал неспокойно, встряхивался, будто сбрасывал с перьев капли дождя.

Его настроение передалось мне, и я тоже спал неважно, но проснулся всё же пораньше, чтобы послушать утреннюю песню Капитана.

Рассвело. Солнечное пятно еле наметилось в пасмурных облаках, низко бегущих над крышей мелькомбината.

«Цик...» – услышал я.

Потом ещё:

«Цик, цик...»

«Убогая песня, – думал я. – «Цик», и все. Маловато».

Почистив перья, Капитан Клюквин снова начал цикать. Вначале медленно и тихо, но после разогнался и кончил увесисто и сочно: «Цок!»

Новое колено в песне меня порадовало, но Капитан замолчал. Видно, он пережидал, выдерживал паузу, прислушивался к песне, которая, так сказать, зреет в груди.

Впрочем, и настоящие певцы-солисты не сразу начинают кричать со сцены. Настоящий солист-вокалист постоит немного, помолчит, прислушается к песне, которая зреет в груди, и только потом уж грянет: «Люблю я макароны!..»

Капитан помолчал, поглядел задумчиво в окно и запел.

Песня началась глухо, незаметно. Послышался тихий и печальный звук, что-то вроде «тиуууу-лиууу». Звук этот сменился задорным посвистом. А после завенели колокольчики, **словно от жаворонка, трели и рулады, как у певчего дрозда**.

Капитан Клюквин был, оказывается, настоящий певец, со своей собственной песней.

Всё утро слушал я песню клеста, а потом покормил его подсолнухами, давлеными кедровыми орехами и коноплёй.

Пасмурная осень тянулась долго. Солнечных дней выпадало немного, и в комнате было тускло. Только огненный Капитан Клюквин веселил глаз.

Красный цвет горел на его перьях. А некоторые были оторочены оранжевым, напоминали осенние листья. На спине цвет перьев вдруг становился зелёный, лесной, моховой.

И характер у Капитана был весёлый. Целый день прыгал он по клетке, расшатывал клювом железные прутья или выламывал дверцу. Но больше всего он любил долбить еловые шишки.

Зажав в когтях шишку, он вонзал клюв под каждую чешуинку и доставал оттуда смоляное семечко. Гладкая, оплывшая смолой шишка становилась похожей на растрёпанного воробья. Скоро от неё оставалась одна кочерыжка. Но и кочерыжку Капитан долбил до тех пор, пока не превращал в щепки.

Прикончив все шишки, Капитан принимался долбить бузинную жёрдочку – своего деревянного коня. Яростно цокая, он смело рубил сук, на котором сидел.

Мне захотелось, чтоб Клюквин научился **брать семечки из рук**.

Я взял семечко и просунул его в клетку. Клюквин сразу понял, в чём дело, и отвернулся.

Тогда я сунул семечко в рот и, звонко цокнув, разгрыз его. Удивительно посмотрел на меня Капитан Клюквин. Во взгляде его были и печаль, и досада, и лёгкое презрение ко мне.

«Мне от вас ничего не надо», – говорил его взгляд.

Да, Капитан Клюквин имел гордый характер, и я не стал с ним спорить, сдался, бросил семечко в кормушку. Клёт мигом разгрыз его.

– А теперь ещё, – сказал я и просунул в клетку новое семечко.

Капитан Клюквин цокнул, вытянул шею и вдруг схватил семечко.

С тех пор каждый день после утренней песни я кормил его семечками с руки.

Осень между тем сменилась плохонькой зимой. На улице бывал то дождь, то снег, и только в феврале начались морозы. Крыша мелькомбината наконец-таки покрылась снегом.

Кривоклювый Капитан **пел целыми днями**, и песня его звучала сочно и сильно.

Один раз я случайно оставил клетку открытой.

Капитан сразу вылез из неё и вскарабкался на крышу клетки. С минуту он подбадривал себя песней, а потом решился лететь. Пролетев по комнате, он опустился на стеклянную крышку аквариума и стал разглядывать, что там делается внутри, за стеклом.

Там под светом рефлектора раскинулись тропические водоросли, а между ними плавали **королевские тетры** – тёмные рыбки, рассечённые золотой полосой.

Подводный мир заворожил клеста. Радостно цокнув, он долбанул в стекло кривым клювом. Вздрогнули королевские тетры, а клёт полетел к окну.

Он ударился головой о стекло и, ошеломлённый, упал вниз, на крышу клетки...

В феврале я купил себе гитару и стал разыгрывать пьесы старинных итальянских композиторов. Чаще всего я играл Пятый этюд Джульяни.

Этот этюд играют все начинающие гитаристы. Когда его играешь быстро, звуки сливаются, и выходит – вроде ручеёк журчит. У меня ручейка не получалось; вернее, тёк он слишком уж медленно, но всё-таки дотекал до заключительного аккорда.

Капитан Клюквин отнёсся к моей игре с большим вниманием. Звуки гитары его потрясли. Он даже бросил петь и только изредка восхищённо цокал.

Но скоро он перешёл в наступление. Как только я брал гитару, Клюквин начинал свистеть, стараясь меня заглушить.

Я злился и швырял в клеста пустыми шишками или загонял его в клетку, а клетку накрывал пиджаком. Но и оттуда доносились зловещее цыканье Капитана.

Когда я выучил этот и стал играть его получше, Клюквин успокоился. Он пел теперь тише, принаршиваясь к гитаре.

До этого мне казалось, что клёст поёт бестолково и только мешает, но, прислушавшись, я понял, что Капитан Клюквин украшает мою игру таинственными, хвойными, лесными звуками.

Конечно, выглядело всё это не так уж прекрасно – корявая игра на гитаре сопровождалась кривоносым пением, но я пришёл в восторг и мечтал уже выступить с Капитаном в Центральном доме детей железнодорожников.

Теперь ручеёк потек более уверенно, и Капитан Клюквин добавлял в него свежую струю.

Он не любил повторяться и всякий раз пел новую песню. Иногда она бывала звонкой и радостной, иногда – печальной.

А я по-прежнему пилил одно и то же.

Каждый день перед заходом солнца Капитан вылетал из клетки, усаживался на аквариум и, пока я настраивал гитару, легонько цокал, прочищая горло.

Солнце постепенно уходило, пряталось за мелькомбинатом, и в комнате становилось сумеречно, только **светился аквариум**. В сумерках Клюквин пел особенно хорошо, душевно.

Мне нравились наши гитарные вечера, но хотелось, чтобы клёст сидел ко мне поближе, не на аквариуме, а на грифе гитары.

Как-то после утренней песни я не стал его кормить. Капитан Клюквин вылетел из клетки, обшарил шкаф и письменный стол, но не нашёл даже пустой ольховой шишек. Голодный и злой, он попил из аквариума и вдруг почувствовал запах смолы.

На гитаре, что висела на стене, за ночь выросла шишка, как раз на грифе, на том самом месте, где находятся колки для натягивания струн. Шишка была свежая, от неё крепко пахло смолой.

Капитан взлетел и, вцепившись в шишку когтями, стал отдирать её от грифа. Однако шишка – хе-хе! – была прикручена проволокой. Пришлось долбить её на месте.

Подождав, пока клёст хорошенко вгрызётся в шишку, я стал осторожно снимать с гвоздя гитару.

Капитан **зарычал** на меня.

Отделив гитару от стены, я плавно повёл её по комнате и через минуту сидел на диване. Гитара была в руках, а на грифе трещал шишкой Капитан Клюквин.

Левая рука моя медленно поползла по грифу, всё ближе подбираясь к шишке. Капитан сердито цокнул, подскочил ко второму ладу и ушипнул меня за палец. Раздражённо помахав крыльями, он пошёл пешком по грифу доколупывать свою шишку.

Ласково взял я первую ноту – задребезжала шишка, а клёст подпрыгнул и зацокал громко и радостно, как лошадь копытами по мостовой.

Оканчивался месяц март.

С крыши мелькомбината свешивались крупные сосульки, облепленные мукой.

В хорошую погоду я выставлял клетку на балкон, и Капитан Клюквин весь день дышал свежим воздухом, пел, клевал снег и сосульки.

На звук его голоса залетали **синицы-московки**. Они клевали коноплю и сало в кормушках, пересвистываясь с Капитаном.

Иногда синицы садились на крышу клетки и начинали дразнить клеста, сыпали на него снег и тинькали в самое ухо.

Клюквин реагировал на синиц по-капитански. Он воинственно цокал, стараясь ухватить московку за ногу.

Синицы увёртывались и хохотали.

Но вот солнце стало припекать как следует, сосульки растаяли. С крыши мелькомбината рабочие скидывали старый серый снег.

Тепло подействовало на Капитана неважно. С кислым видом сидел он на жёрдочке, и я прикрывал его от солнца фанеркой. И синицы стали наводить на него уныние. С их прилётом Клюквин мрачнел, прятал голову в плечи и бросал петь. А когда они улетали, выпускал вдохонку звонкую трель.

В комнате он чувствовал себя даже лучше: аквариум, шишки, гитара – милая, привычная обстановка. По вечерам мы играли Пятый этюд Джульяни и глядели на аквариум, как там течёт подводная жизнь в тропиках.

В середине апреля Клюквин совсем захандрил. Даже шишки он долбил теперь не с таким яростным интересом.

«Что ж, – думал я, – ему не хватает леса, воздуха. Понесу его в парк, в Сокольники».

В воскресенье отправились мы в парк.

В тени, окружённый ёлками, Клюквин оживился: пел, прыгал по клетке, глядел на макушки деревьев. На свист его подлетали воробы, подходили поздние лыжники, еле бредущие последним снегом.

Но дома Клюквин скис, вечером даже не вылетел из клетки посидеть на аквариуме – напрасно разыгрывал я Пятый этюд Джульяни.

«Дела неважные, – думал я. – Придётся, видно, отпустить Капитана».

Но отпускать его было опасно. Слишком долго просидел Клюквин в клетке. Теперь он мог погибнуть в лесу, от которого отвык.

«Ладно, – решил я, – пусть сам выбирает».

И вот я устроил в комнате ярмарку: развесил под потолком гирлянды еловых и ольховых шишек, кисти калины и рябины, связанные вениками, повсюду натыкал еловых веток.

Капитан Клюквин следил за мною с интересом. Он весело цокал, удивляясь, видно, моей щедрости.

Потом я вынес клетку на балкон, повесил её на гвоздик и открыл дверцу. Теперь Клюквин мог лететь в комнату, где раскачивались под потолком шишки, где светился аквариум.

Капитан Клюквин вышел на порог клетки, вскарабкался на её крышу, клюнул зачем-то железный прут и... полетел.

С высокого седьмого этажа он полетел было вниз, к мельничному комбинату имени Цюрупы, потом резко повернулся, набрал высоту. Мелькнули красные крылья – и Капитан пропал, улетел за наш дом, за пожарную каланчу, к сокольническому лесу.

Всю весну не снимал я клетку с гвоздя на балконе, а в комнате сохли под потолком связки калины и рябины, гирлянды шишек.

Стояли тёплые майские дни. Каждый вечер я сидел на балконе и наигрывал Пятый этюд Джульяни, ожидая Капитана Клюквина.

Что за птица клёст?

Кlestы – небольшие (с воробья), ярко окрашенные птицы, живущие в таёжных лесах. Они питаются семенами хвойных деревьев, ловко выковыривая их из шишек благодаря особому устройству клюва. При хорошем урожае шишек клесты начинают выводить птенцов в январе–феврале, когда ещё стоят морозы.

Зачем клесту такой клюв?

У клестов очень своеобразное строение клюва: его нижняя и верхняя половинки перекрещены заострёнными концами. Клест подсовывает клюв под чешуйку, задирает её и языком выковыривает семечко. Ему хватает 5 минут для того, чтобы справиться с шишкой.

Почему у него такой цвет перьев?

У клестов самцы окрашены очень ярко: у них оперенье на голове и на спине красное, крылья и хвост буровато-красные. У самок же оперенье скромное зеленовато-серое. За яркую окраску самцов и за особое строение клюва клестов иногда называют «северными попугаями». Это своё название клесты «оправдывают» тем, что, подобно попугаям, умеют лазать по тонким веткам, цепляясь за них крючковатым клювом.

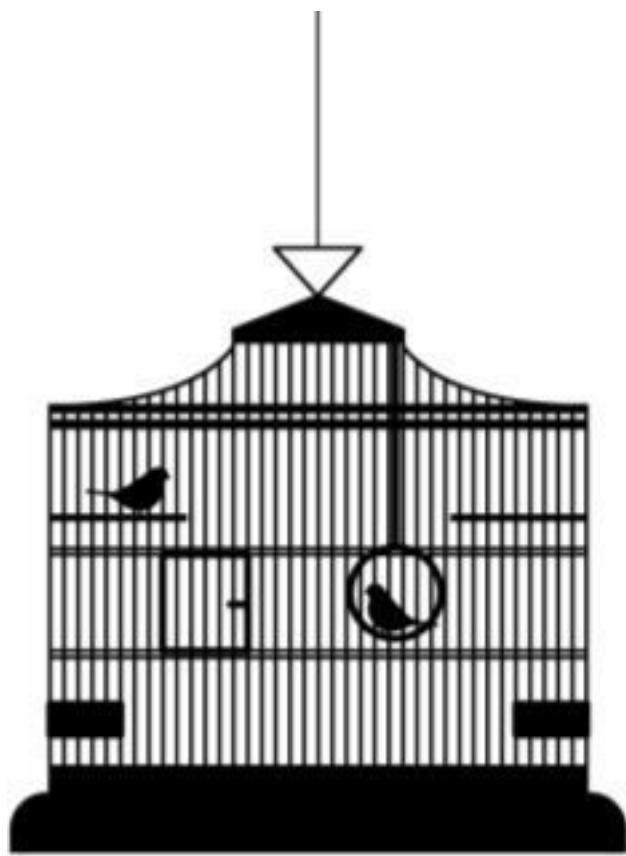
Кто лучший певец среди птиц?

Птичья песни очень разные: у кого-то это простенькие трельки, у кого-то громко исполняемые «оперные арии» с отдельными коленцами. Наиболее выдающиеся певцы нашей средней полосы – соловей, чёрный и певчий дрозды: они обычно поют ночами, когда другие птицы спят, их голоса далеко разносятся в тёмном лесу. Манеры исполнения песен у птиц тоже очень разные. Чаще всего птицы поют, сидя на ветке дерева или куста; но жаворонки поют на лету, порхая высоко в небе: самого певца почти не видно, слышна только звонкая переливистая песня.

Птицы легко приручаются в неволе?

Среди домашних любимцев небольшие птички – одни из самых популярных. Наиболее известные из них – канарейки, волнистые попугайчики, амадины. Их давно разводят в неволе, держат в специальных клетках; для того, чтобы птицы чувствовали себя «как дома», нужны специальные знания – чем кормить, как лечить. Эти пернатые питомцы стали по-настоящему ручными. Раньше содержали и некоторых диких певчих птиц – чижей, щеглов, клестов, жаворонков. Их ловили сетями, приручали к жизни в клетке. Но такие птицы в неволе почти не размножались, поэтому приходилось ловить новых. В настоящее время ловля птиц запрещена.

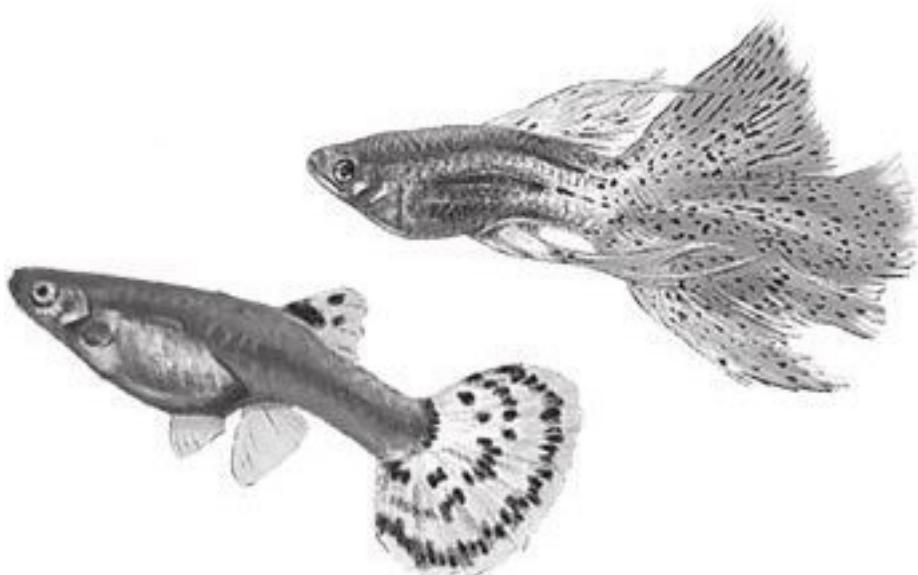

Почему клёст пел зимой?

Клесты начинают размножаться в феврале–марте, а некоторые даже в январе. В это время самцы, как и у других певчих птиц, начинают громко петь, усевшись на вершине дерева, чтобы привлечь к себе самок. Его песня не очень красивая, скорее напоминает щебетание, но в зимнем хвойном лесу это чуть ли не единственный пернатый певец, с ним перекликаются лишь синицы.

Что это за аквариумные рыбки?

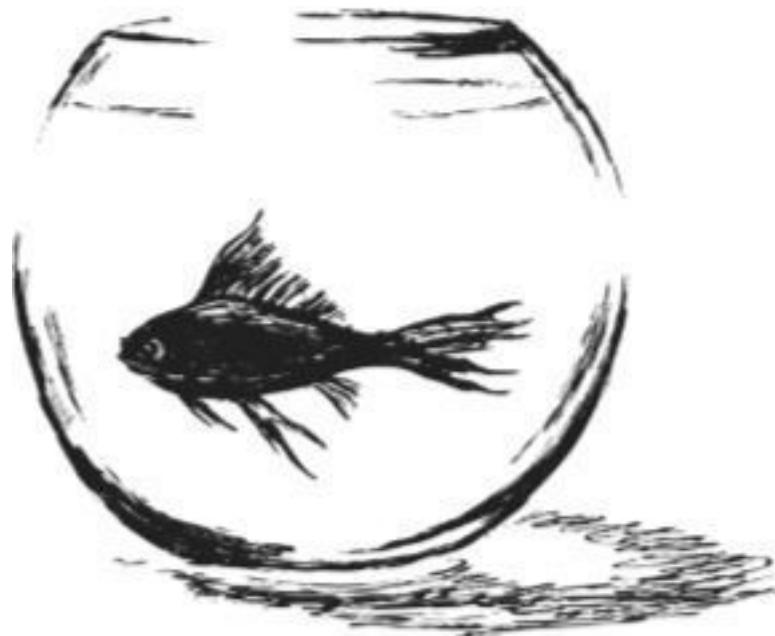
Во многих городских квартирах есть аквариумы с рыбками. Они очень разные по окраске, форме тела и плавников. Самые обычные обитатели аквариумов – золотые рыбки, гуппи с ярко раскрашенными хвостами у самцов, полосатые данио, похожие на окуньков барбусы, уплощённые с боков скалярии, переливающиеся тетры.

Гуппи

Почему аквариум светился?

Рыбы дышат растворённым в воде кислородом, улавливая его жабрами. Если в воде кислорода мало, рыбы задыхаются и начинают плавать у поверхности, заглатывая воздух. Кислород в воду выделяют водоросли, поэтому растения в аквариуме нужны не только для красоты. Водоросли выделяют кислород только на свету, поэтому аквариум нужно постоянно подсвечивать.

Может ли птица рычать?

Птицы рычать не умеют. При опасности, особенно рядом с гнездом, птицы издают тревожные звуки, не похожие на пение. У разных птиц они разные: сорока громко стрекочет, зарянка и крапивник трещат, у славки тревожный крик похож на тихое кряканье. Клёт, если испуган или возбуждён, громко скрипит и цокает, призывая сородичей, чтобы совместно дать отпор врагу.

Почему синиц называют московками?

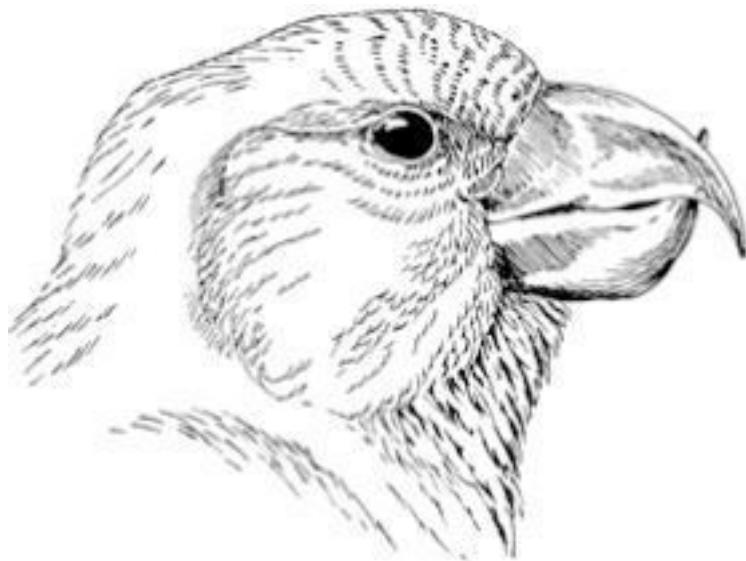
Синицы – лесные птички размером с воробья или меньше. Самая крупная из синиц так и называется – большая, у неё жёлтая грудка с продольной чёрной полосой. Московка помельче, с серой грудкой без полосы, на голове чёрная «шапочка». Первоначально её называли «масковка» за чёрный окрас головы, а потом переинчили в «московку».

Почему Клюквин захандрил?

С приходом весны у птиц, пойманных в природе, пробуждаются природные инстинкты: появляется потребность обзавестись партнёром, строить гнездо. Живущая в клетке птица бес-

покоится, бьётся о прутья, а через какое-то время затихает, дичится человека, забивается в угол клетки.

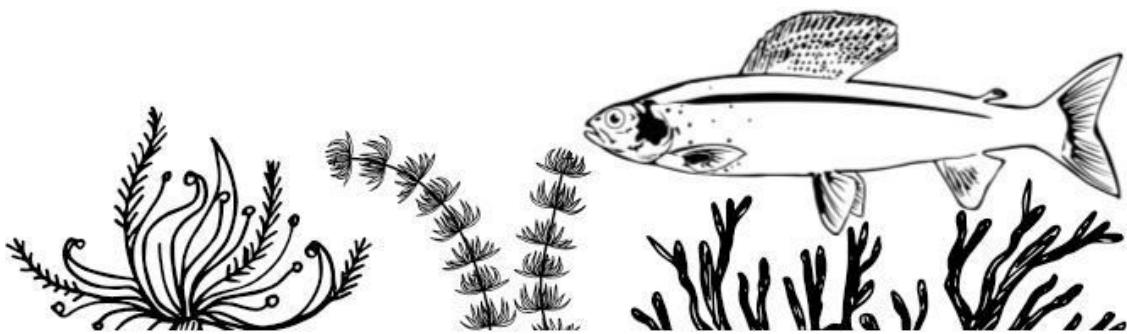

Почему он мог погибнуть в лесу?

Живущая в клетке птица находится в безопасности и получает корм от человека. Поэтому даже если она поймана в природе, у неё через какое-то время утрачиваются навыки поиска пищи и спасения от врагов. К тому же многие мелкие птицы живут стайками, помогая друг другу. Поэтому если птицу из клетки выпустить обратно в лес, она вскоре погибнет.

Что за рыба хариус?

Хариус – отдалённый родственник форелей. Для него характерен очень широкий спинной плавник. Хариусы живут в европейских и сибирских реках с чистой холодной водой, самые крупные весят 5–6 кг. Они питаются водными личинками насекомых, ловят мальков рыб. Ранней весной откладывают икру на каменистых мелководьях с быстро текущей водой. Хариус – один из излюбленных объектов рыболовов.

Серая ночь

Стало смеркаться.

Над тайгой, над сумрачными скалами, над речкой с плещущим названием Вёлс взошёл узенький лисий месяц.

К сумеркам поспела уха. Разыскавши в рюкзаках ложки, мы устроились вокруг ведра, выловили куски хариуса и отложили в отдельный котелок, чтоб **хариус** остыпал, пока будем есть уху.

– Ну, Козьма да Демьян, садитесь с нами!

Длинной можжевеловой ложкой я пошарил в глубине ведра – рука по локоть ушла в пар. Выловил со дна картошки и рыбых потрохов – печёнки, икры, – потом зачерпнул прозрачной юшки с зелёной пеной.

– Ну, Козьма да Демьян, садитесь с нами! – повторил Лёша, запуская свою ложку в ведро.

– Садитесь с нами, садитесь с нами, Козьма да Демьян! – подтвердили мы.

Но в наших городских голосах не было уверенности, что сядут за уху Козьма да Демьян, а Лёша сказал так, будто они его слышат.

Костёр мы разложили на низком берегу Велса. Наш берег весь завален грязными льдинами. Они остались от половодья – не успели потаять. Вот льдина, похожая на огромное ухо, а вот – на гриб груздь.

– Кто же это такие – Козьма да Демьян? – спросил Пётр Иваныч, который в первый раз попал в уральскую тайгу.

Уху Пётр Иваныч ест осторожно и почтительно. Голова его окутана паром, в очках горят маленькие костры.

– Это меня старые рыбаки научили, – ответил Лёша. – Будто есть такие Козьма да Демьян. Они помогают хариуса поймать. Козьму да Демьяна на уху звать надо, чтоб не обиделись.

По часам уже полночь, а небо не потемнело, осталось ясным, сумеречным, и месяц добавил в него холода и света.

– Это, наверно, **белая ночь**, – задумчиво сказал Пётр Иваныч.

– Белые ночи начнутся позже, – ответил Лёша. – Они должны быть светлее. Для этой ночи названья нет.

– Может быть, серебряная?

– Какая там серебряная! Серая ночь.

Подстелив на землю лапника, мы разложили спальные мешки, прилегли. Я уткнулся головой в подножие ёлки. Нижние ветки её засохли, на них вырос лишай и свисает к костру, как пакля, как мочало, как белая борода.

Неподалёку, за спиной у меня, что-то зашуршало.

– Серая ночь, – задумчиво повторил Пётр Иваныч.

– Серая она, белая или серебристая, всё равно спать пора.

Что-то снова зашуршало за спиной.

Уха так разморила, что лень повернуться, посмотреть, что это шумит. Я вижу месяц, который висит над тайгой, – молодой, тоненький, пронзительный.

– **Бурундук!** – вдруг сказал Лёша.

Я оглянулся и сразу увидел, что из-за ёлки на нас смотрят два внимательныхочных глаза.

Бурундук высунул только голову, и глаза его казались очень тёмными и крупными, как **ягоды гонобобель**.

Посмотрев на нас немного, он спрятался. Видно, на него напал ужас: кто это такие сидят у костра?!

Но вот снова высунулась глазастая головка. Легонько свистнув, зверёк выскочил из-за ёлки, побежал по земле и спрятался за рюкзаком.

— Это не бурундук, — сказал Леша, — нет на спине полосок.

Зверёк вспрыгнул на рюкзак, запустил лапу в брезентовый карман. Там была верёвка. Зацепив когтем, он потянул её.

— Пошёл! — не выдержал я.

Подпрыгнув к ёлке, он вцепился в ствол и, обрывая когтями кусочки коры, убежал вверх по стволу, в густые ветки.

— Кто же это? — сказал Пётр Иваныч. — Не белка и не бурундук.

— Не знаю, — сказал Лёша. — На соболя не похож, на куницу тоже. Я такого, пожалуй, не видал.

Серая ночь ещё просветлела. Костёр утих, и Лёша поднялся, подбросил в него сушину.

— Зря ты его шуганул, — сказал мне Пётр Иваныч. — Он теперь не вернётся.

Мы смотрели на вершину ёлки. Ни одна ветка не шевелилась. Длинные искры от костра летели к вершине и гасли в светлом сером небе.

Вдруг с вершины сорвался какой-то тёмный комок и раскрылся в воздухе, сделавшись угловатым, четырёхугольным. Перечеркнув небо, он перелетел с елки на ёлку, зацепив месяц краешком хвоста.

Тут мы сразу поняли, кто это такой. Это был **летяга**, зверёк, которого не увидишь днём: он прячется в дуплах, а ночью перелетает над тайгой.

Крылья у него меховые — перепонки между передними и задними лапами.

Летяга сидел на той самой ёлке, что росла надо мной. Вот сверху посыпалась какая-то шелуха, кусочки коры — летяга спускался вниз. Он то выглядывал из-за дерева, то прятался, будто хотел подкрасться незаметно.

Вдруг он выглянул совсем рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки. Глаза его, тёмные, расширенные, уставились на меня.

— Хотите, схвачу?

От звука голоса дрожь ударила летягу. Он свистнул и спрятался за ёлку, но тут же высунулся.

«Схватит или нет?» — думал, видно, летяга.

Он сидел, скаввшись в комок, и поглядывал на костёр.

Костёр шевелился и потрескивал.

Летяга соскочил на землю и тут заметил большое тёмное дупло. Это был сапог Петра Ивановича, лежащий на земле.

Удивлённо свистнув, летяга нырнул в голенище.

В то же мгновение я кинулся схватить сапог, но летяга выскочил и побежал, побежал по вытянутой руке, по плечу и — прыгнул на пенёк.

Но это был не пенёк. Это было колено Петра Иваныча с крупной круглой чашкой.

С ужасом заглянув в пылающие очки, летяга закашлял, перепрыгнул на ёлку и быстро вскарабкался наверх.

Петр Иваныч изумлённо ощупывал свое колено.

— Лёгоночий какой, — хриплово сказал он.

Перелетев на другую елку, летяга снова спустился вниз. Видно, притягивал его затухавший огонь костра, манил, как лампа летним вечером манит мотылька.

На меня напал сон. Вернее, не сон — волчья дрёма. Я то закрывал глаза и проваливался куда-то под еловый корень, то открывал их и видел тогда бороду лишайника, свисающую с веток, а за нею совсем посветлевшее небо и в нём **летягу, перелетающего с вершины на вершину**.

С первыми лучами солнца летяга исчез.

Утром, за чаем, я все приставал к Петру Иванычу, просил подарить мне сапог, в котором побывал летяга. А Леша сказал, допивая вторую кружку чаю:

– Не Козьма ли да Демьян к нам его подослали?

Что такое белые ночи? Почему они позже?

На Крайнем Севере летом солнце никогда не заходит, ночью светло, как днём, поэтому такие ночи называются «белыми». Зато зимой солнце не показывается из-за горизонта, наступает полярная ночь. Это получается из-за того, что Земля, вращаясь вокруг Солнца, крутится вокруг своей оси наподобие волчка. При этом земная ось плавно качается из стороны в сторону, наклоняясь то в направлении Солнца, то от него. В результате земная поверхность в северных районах оказывается то на солнечной стороне, то в «тени».

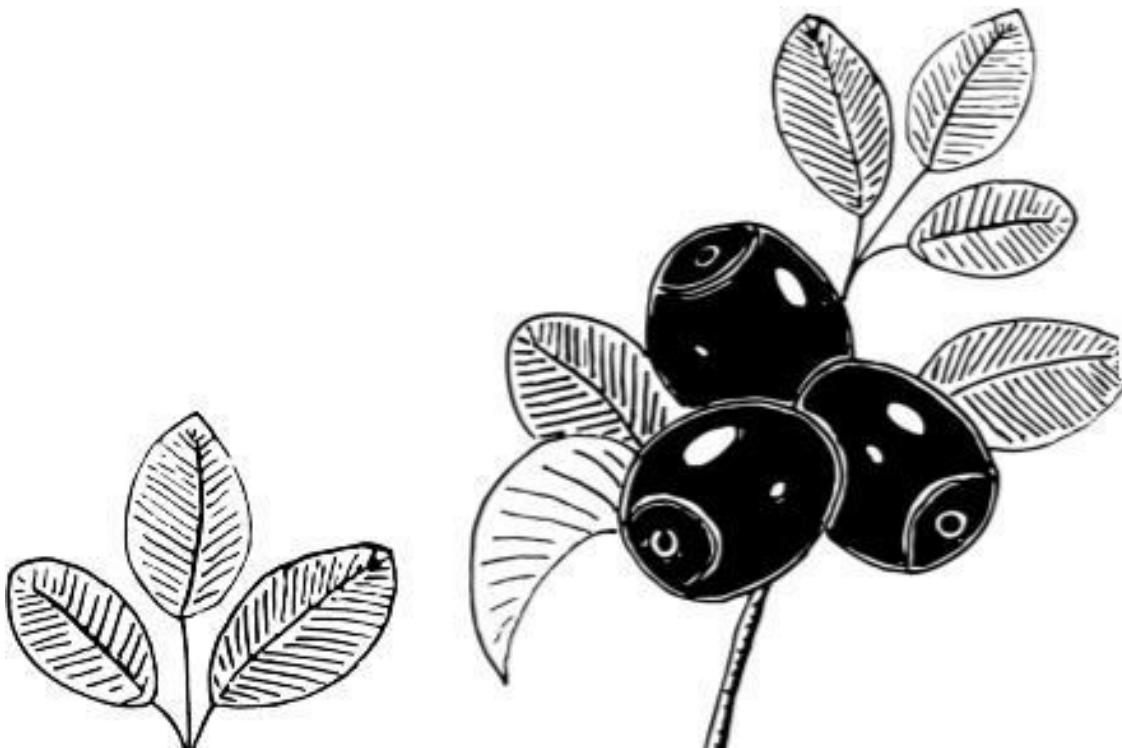
Кто такой бурундук?

Бурундук похож на маленькую белочку. У него короткий рыжий мех, на спине пять тёмных полосок. Бурундуки живут в таёжных лесах, питаются кедровыми орехами, ягодами, грибами, летом ловят жуков. Бурундуки строят гнёзда и делают запасы пищи на зиму: до 5 кг орехов.

Что за ягода такая – гонобобель?

Гонобобель – небольшой ягодный кустарник, растущий в равнинных и горных лесах, в тундре, на сухих болотах Северного полушария. Зрелые ягоды гонобобеля голубого цвета, поэтому его нередко называют голубикой. Ягоды очень вкусные и витаминные, осенью ими питаются многие звери и птицы.

Что это за летяга такая?

Летяга – отдалённый родственник белки. Летяга немного мельче, у неё длинный хвост, короткие цепкие лапки с острыми когтями. Серо-бурый окрас короткого шелковистого меха делает зверька незаметным среди ветвей. Отличительная особенность летяги – кожистая складка по бокам тела. В спокойном состоянии она незаметна, но когда летяга при опасности или в поисках пищи прыгает с дерева, складка растягивается между расставленными лапами, летяга превращается в маленький «парашютик» и планирует, постепенно снижаясь. Подруливая хвостом, летяга может менять направление полёта. Мелкие летяги «улетают» на 20–30 м.

Зачем она летает с дерева на дерево?

Летяги – древесные животные, населяют разнообразные леса с дуплистыми деревьями: наша летяга живёт в хвойной тайге, её близкие родичи – в тропических джунглях. Летяги – ночные животные, поэтому у них очень большие глаза, чтобы лучше видеть в темноте. Днём они спят в дуплах, а ночью бегают по деревьям и «перепархивают» с одного на другое. Ест летяга главным образом почки лиственниц и берёз, молодую листву и соцветия, шишечки ольхи. В конце лета зверьки нередко спускаются на землю, чтобы полакомиться ягодами и грибами. Размножаются летяги весной, гнёзда устраивают в дуплах. Семья летяг живёт дружно, и нередко зверьки остаются зимовать в одном дупле.

Стожок

У излучины реки Ялмы в старой баньке жил, между прочим, дядя Зуй.

Жил он не один, а с внучкою Нюркой, и было у него всё, что надо, – и куры, и корова.

– Свиньи вот только нету, – говорил дядя Зуй. – А на что хорошему человеку свинья?

Ещё летом дядя Зуй накосил в лесу травы и сметал стожок сена, но не просто сметал – хитро: поставил стог не на землю, как все делают, а прямо на сани, чтобы сподручней было зимой сено из лесу вывезти.

А когда наступила зима, дядя Зуй про то сено забыл.

– Дед, – говорит Нюрка, – ты что ж сено-то из лесу не везёшь? Ай позабыл?

– Какое сено? – удивился дядя Зуй, а после хлопнул себя по лбу и побежал к председателю лошадь просить.

Лошадь председатель дал хорошую, крепкую. На ней дядя Зуй скоро до места добрался. Смотрит – стожок его снегом занесён.

Стал он снег вокруг саней ногой раскидывать, оглянулся потом – нет лошади: ушла, проклятая!

Побежал вдогонку – догнал, а лошадь не идёт к стогу, **упирается**.

«С чего бы это она, – думает дядя Зуй, – упирается-то?»

Наконец-таки запряг её дядя Зуй в сани.

– Но-о-о!..

Чмокает дядя Зуй губами, кричит, а лошадь ни с места – полозья к земле крепко промёрзли. Пришлось по ним топориком постукать – сани тронулись, а на них стожок. Так и едет, как в лесу стоял.

Дядя Зуй сбоку идёт, на лошадь губами чмокает.

К обеду добрались до дома, дядя Зуй стал распрягать.

– Ты чего, Зуюшко, привёз-то? – кричит ему Пантелеевна.

– Сено, Пантелеевна. Чего ж иное?

– А на возу у тебя что?

Глянул дядя Зуй и как стоял, так и сел в снег. Страшная какая-то, кривая да мохнатая морда выставилась с воза – медведь!

«Р-ру-у-у!..»

Медведь зашевелился на возу, наклонил стог набок и вывалился в снег. Тряхнул башкой, схватил в зубы снегу и в лес побежал.

– Стой! – закричал дядя Зуй. – Держи его, Пантелеевна.

Рявкнул медведь и пропал в ёлочках.

Стал народ собираться.

Охотники пришли, и я, конечно, с ними. Толпимся мы, разглядываем медвежьи следы.

Паша-охотник говорит:

– Вон какую берлогу себе придумал – Зуев стожок.

А Пантелеевна кричит-пугается:

– Как же он тебя, Зуюшко, не укусил?..

– Да-а, – сказал дядя Зуй, – будет теперь сено медвежатиной разить. Его, наверно, и корова-то в рот не возьмёт.

Почему лошадь упиралась?

Лошадь наверняка почуяла медведя, который спрятался в стогу. Медведь – хищный зверь, и хотя он поедает много растительной пищи, нередко нападает на копытных, особенно весной, когда голодный просыпается от зимней спячки, а сочной травы ещё нет. Лошадь инстинктивно боится медведя – он для неё опасный враг. Поэтому, почувствовав его, лошадь испугалась и убежала подальше.

Весенний вечер

Солнце повисело в осиновых ветках и пропало за лесом. Закат расплылся в небе.

Низко, в половину берёзы, над просекой пролетел большой ястреб. **Он летел бесшумно**, совсем не шевеля синими крыльями.

Я стоял на поляне, снега на которой почти не было. Только под высокими деревьями ещё холодели сугробы.

Дрозды-дерябы трещали и голосили на ёлках. Казалось, это еловые шишки трутся друг о друга зазубренными боками.

Я почувствовал странный запах, который шёл с земли. Из старой травы, из прелых листьев торчали какие-то короткие стебли. На них распустились небольшие сиреневые цветочки. Я хотел сорвать несколько, но стебли не поддавались, гнулись в руках и наконец лопнули, переломившись. Они оказались полыми – пустыми внутри.

От цветов пахло так приятно, что даже закружилась голова, но стебли их будто зашевелились в руке. Показалось, они живые и ядовитые.

Стало неприятно, и я отложил цветы на пенёк.

«Свис-с-с-с-с!..» – пронеслись над поляной чирки. Еле заметен в тёмном небе их серебряный след.

Сумрак поднялся с земли, стемнело, и тогда послышался хриплый и ласковый голос за берёзами:

«Хорх... хорх... хорх... хорх...»

Длинноклювая, с косыми крыльями птица вылетела из-за леса и пошла над поляной – «хорх... хорх...», – то ныряя вниз, то вскидываясь, как бабочка.

Вальдшнеп! Вальдшнеп тянёт!..

Совсем стемнело, и я пошёл к дому.

Холодом тянуло по земле, хрустела под ногами корка льда, схватившая лужи.

На опушке в лицо вдруг повеяло теплом. Земля оттаяла, согрелась за день, теперь воздух греется об неё.

Я шёл полем и вспоминал цветы, оставленные на пеньке. Снова показалось, что стебли их шевелятся, шевелятся в руке.

Я не знал, как называются эти цветы.

Потом только узнал – **волчье лыко**.

Почему ястребы летают бесшумно? Зачем ястребу синий цвет крыльев?

Ястреб – лесной охотник, к этому приспособлены его относительно короткие крылья и длинный хвост, работающий в качестве руля. У него спина и крылья тёмные, светлая грудь с тёмными пестринами: такая окраска маскирует его. Ястреб – охотник-«засадник». Он не летает по лесу в поисках добычи – так он распугал бы всю живность; вместо этого он часами неподвижно сидит на ветке, дожидаясь приближения жертвы.

Что за птица вальдшнеп?

Вальдшнеп – небольшой кулик с пёстрой рыже-буровой окраской и длинным клювом. Как и у многих других куликов, у него серповидные заострённые крылья. Вальдшнепы живут поодиночке в сырых лесах, днём прячутся, а ночью ходят между деревьями и достают клювом из-под листвы червей, улиток, личинок жуков. Зимуют они на юге.

Что за растение волчье лыко?

Волчье лыко – невысокий (до 1,5 м) лесной кустарник. Ранней весной, когда ещё нет листвьев, на нём появляются красивые розовые цветы, их прянный запах привлекает насекомых-опылителей. Созревшие ягоды ярко-красного цвета. Все части этого растения – кора, цветы, ягоды – очень ядовиты и вызывают сильное отравление.

Фиолетовая птица

Как-то в мае, когда снег уже потаял, я сидел на стуле, вынесенном из дома, и чистил ружье.

Дядя Зуй сидел рядом на чурбаке и заворачивал махорочную самокрутку.

– Видишь ты, какие дела-то… – сказал он. – Куры у меня не ноские.

– Яиц не несут?

– Яйцо в неделю – разве ж это носкость?

Такого слова я вроде не слыхал. Чудное – сразу в нем и «нос» и «кость».

Сквозь ружейные стволы я глянул в небо. В них вспыхнули и нанизались одно на другое светлые оранжевые кольца, где-то в конце стволов слились в голубой пятак – кусок неба.

– Я уж тут новую несушку купил, – толковал дядя Зуй. – У Витьки Белова. У него все куры ноские.

Дочистив ружьё, я пошёл поглядеть на новую несушку.

Три курицы бродили у Зуюшки во дворе. Две-то были знакомые **пеструшки**, а третья – необыкновенного фиолетового цвета. Но вела она себя нормально, говорила «ко-ко-ко» и клевала намятую варёную картошку.

– Что это за масть у неё?

– Она белая, – сказал дядя Зуй. – Но, видишь ты, белые куры в каждом дворе, так я её чернилами приметил, чтоб не спутать.

– Гляди, станет она фиолетовые яйца носить.

Тут курица вдруг подошла ко мне и – хлоп! – клюнула в сапог.

– Пошла! – сказал я и махнул ногой.

Курица отскочила, но потом снова подбежала и – хлоп! – клюнула в сапог.

– Цыпа-цыпа, – сказал дядя Зуй, – ты что, холера, делаешь?

Тут я догадался, в чём дело. Сапоги были все облеплены весенней грязью. С утра я ходил на конюшню, а там кто-то просыпал овёс. Потом белил яблони, обkapал сапоги извёсткой. Каждый сапог превратился теперь в глиняный пирог с овсом и с извёсткой.

Фиолетовой несушке так понравились мои сапоги, что, когда я пошёл домой, она двинула следом.

На крыльце я снял сапоги и отдал ей на растерзание. Из окошка я видел, что она обклеяла весь овёс и всю извёстку. Извёстка ей нужна, чтоб скорлупа у яиц была прочнее.

Обклевав сапоги, курица опрокинула банку с червями, накопанными для налимов, и принялась за них.

Тут я не выдержал, выскочил на крыльцо и схватил полено.

Взмахнув чернильными крыльями, она перелетела со страха весь двор и уселась на берёзе.

На другой день, возвращаясь с охоты, я увидел на дороге фиолетовую птицу. Издалека она узнала меня и подбежала, чтоб клюнуть в сапог.

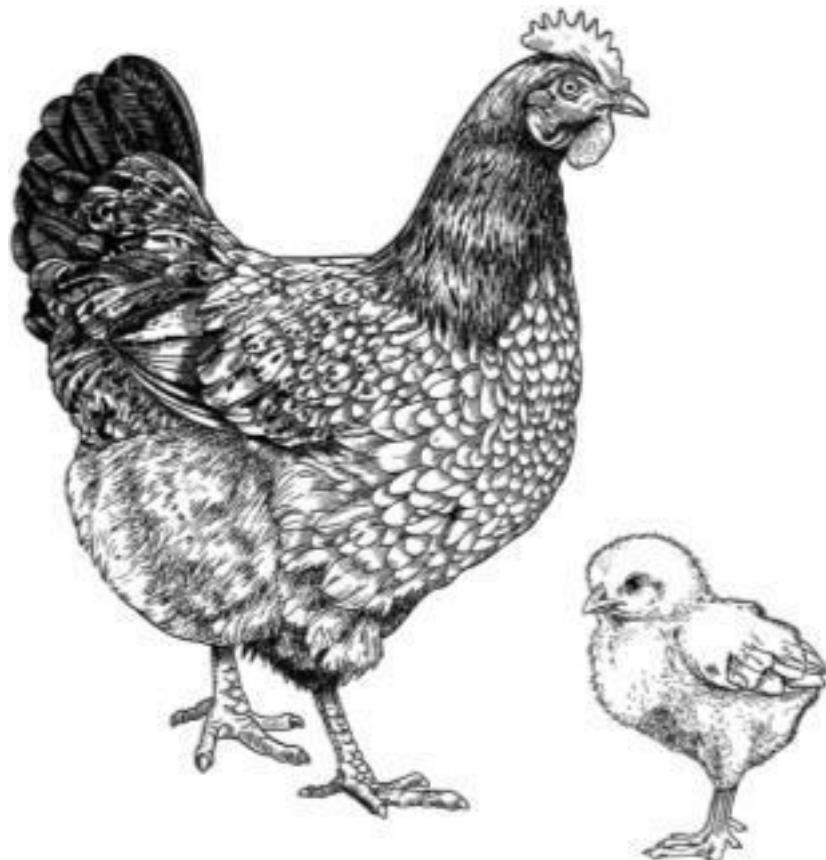
Пока была на дорогах грязь, курица встречала и провожала меня. Но вот весна кончилась, грязь на дорогах подсохла. Как-то я шёл из леса и снова увидел на дороге свою знакомую.

А она-то даже и не поглядела на меня, пошла прочь.

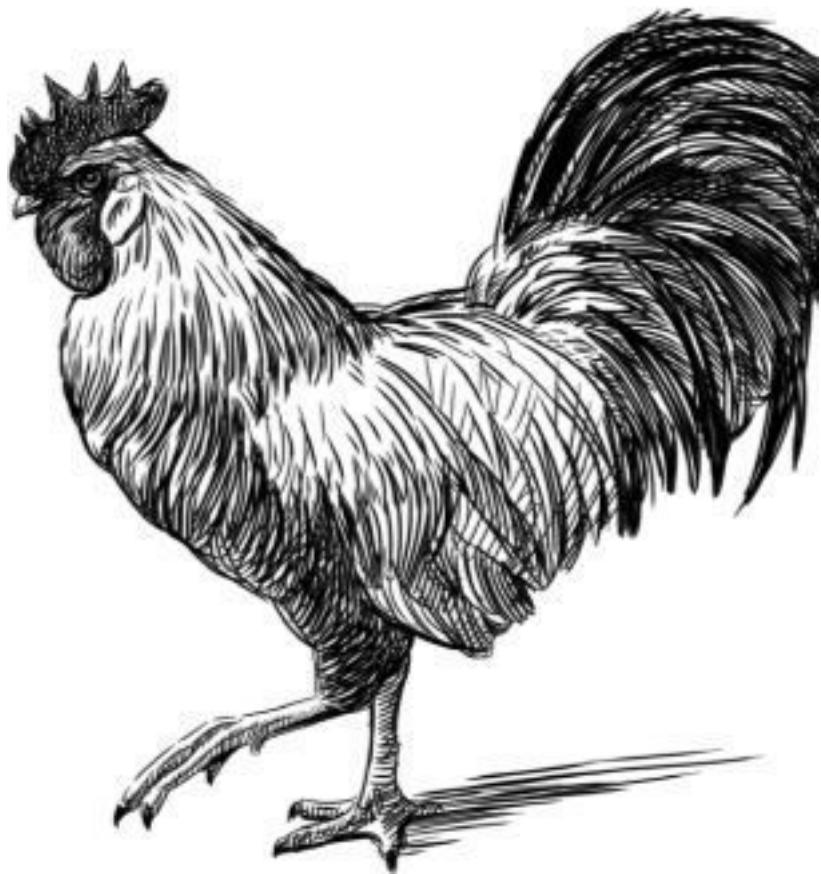
«Что такое?» – подумал я.

Глянул на свои сапоги и увидел – нету сапог. Иду я по траве босиком – лето наступило.

А какого цвета бывают куры?

Куры – всем известные домашние птицы. Их существует множество пород, которые различаются окраской оперения, формой гребешка и «бороды» на голове. Самки-курицы окрашены скромнее самцов-петухов. У одних петухов окраска очень яркая – смесь сине-зелёных и золотистых тонов, у других чисто-белая, чёрно-белая или рябая (отсюда – «курочка-ряба»). Японские петухи знамениты невероятно длинным хвостом.

Стеклянный пруд

В деревне Власово, слыхал я, есть Стеклянный пруд. «Наверно, вода в нём очень прозрачная, – думал я. – Видны водоросли и **головастики**. Надо бы сходить, посмотреть».

Собрался и пошёл в деревню Власово. Прихожу. Вижу: у самого пруда две бабки на лавочке сидят, рядом гуси пасутся. Заглянул в воду – мутная. Никакого стекла, ничего не видно.

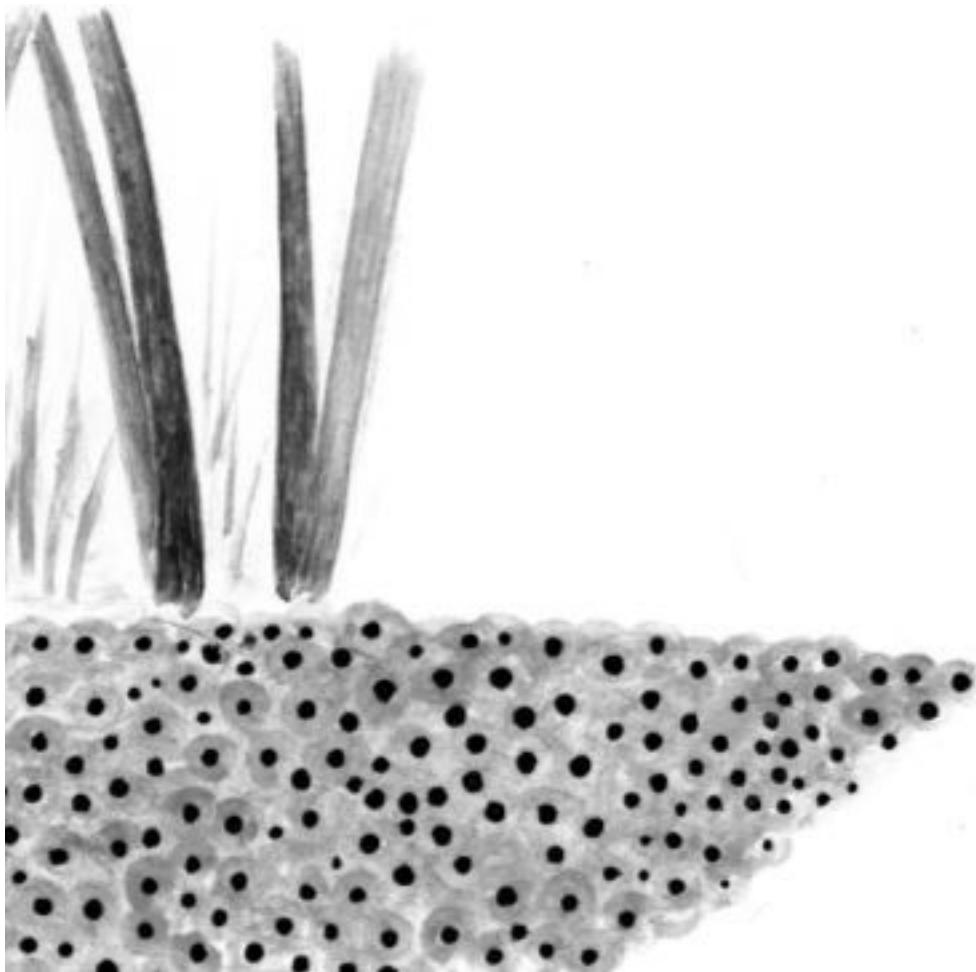
– Что ж это, – говорю бабкам, – Стеклянный пруд, а вода – мутная.

– Как это так – мутная?! У нас, дяденька, вода в пруду сроду стёклышко.

– Где ж стёклышко? Чай с молоком.

А подальше от берега шевелились на дне пузырчатые водоросли, и за ними в густой глубине вспыхивали искры – маленькие караси. А уж совсем глубоко, на середине пруда, там, где дно превращалось в бездну, тускло вдруг блеснуло кривое медное блюдо. Это лениво повёртывался в воде зеркальный карп.

Кто такие головастики?

Икра лягушки

Головастики – личинки лягушек и жаб. Эти земноводные весной откладывают икру в воду, вылупившиеся из них личинки похожи на рыбных мальков. По мере роста у них увели-

чивается передняя часть, похожая на «голову» (отсюда название) с длинным хвостом сзади, с его помощью головастик плавает. Затем на этой «голове» вырастают лапы, хвост исчезает: получается маленький лягушонок или жабёнок, умеющий прыгать.

Головастик лягушки

– Не может быть, – говорят бабки и в пруд заглядывают. – Что такое, правда – мутная... Не знаем, дяденька, что случилось. Прозрачней нашего пруда на свете нет. Он ключами подземельными питается.

– Постой, – догадалась одна бабка, – да ведь лошади в нём сейчас купались, намутили воду. Ты потом приходи.

Я обошёл всю деревню Власово, вернулся, а в пруду три тракториста ныряют.

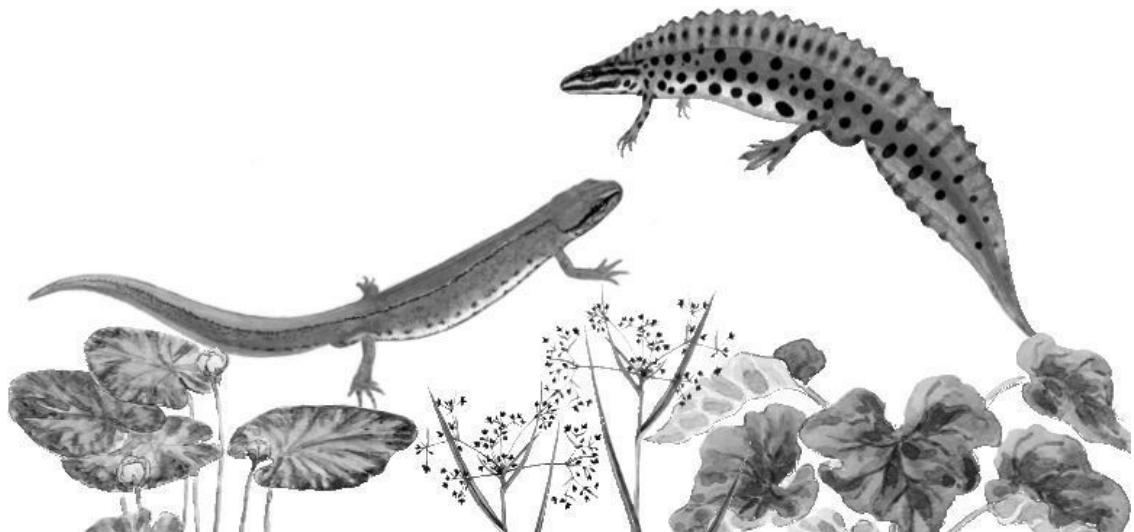
– Опоздал, опоздал! – кричат бабки. – Эти какое хошь стекло замутят, чище лошадей. Ты теперь рано утром приходи.

На другое утро к восходу солнца я пошёл в деревню Власово. Было ещё очень рано, над водой стелился туман, и не было никого на берегу. Пасмурно, как тёмное ламповое стекло, мерцал пруд сквозь клочья тумана.

А когда взошло солнце и туман рассеялся по берегам, просветлела вода в пруду. Сквозь толщу её, как через увеличительное стекло, я увидел песок на дне, по которому ползли **три-тоны**.

Кто такие тритоны? Почему они ползают по дну?

Тритоны – отдалённые родственники лягушек. Они внешне похожи на ящериц – длинные, хвостатые, с короткими ногами, но с голой кожей. Взрослые тритоны летом живут во влажной лесной подстилке, где ищут червей и личинок, там же и зимуют. Весной они переселяются в болотца, канавы с водой или большие лужи для размножения. Там тритонов не так-то легко заметить: они прячутся в подводной траве у дна.

Обыкновенный тритон

Букет

Я вошёл в дом и застыл на пороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.